

Боль и память

История - это миллионы отдельных историй, порой неправдоподобных. Миллионы жизней и смертей. Есть вещи, помнить о которых страшно и мучительно, а не помнить - преступно. И есть люди, которые умеют пропустить чужую память через себя, чтобы не дать ей угаснуть. Потому что существуют преступления, не имеющие срока давности. Потому что человек, сознательно забывающий о злодействе, становится соучастником. А тот, кто утверждает, будто злодейства не было, совершает его заново.

Анастасия Бойцова

Зоя Дякина,
графика Татьяны Карповой (Кругловой)

•10 мая 1933 года

Бодро проспектами майскими
Шествуют. Свора пестра.
Тянет удушливым маревом.
Жаром костра.

Флаги над ними полощутся,
Выстроены, как отряд.
В центре Берлина, на площади,
Книги горят.

- За негерманские вяканыя,
За распускание нюнь...
...Слышите, мертвые? Врядли нам
Встретить ближайший июнь...

- За сочинение сказочек.
За разращение ума...
... Маркс, Короленко и Каутский,
Манни, Фейхтвангер, Ремарк...

Где вы, вчерашние мальчики?
Славное пламя растёт! -
Автор, к стене прижимаемый.
Смотрит в костер,

Где, полаякая безжалобно
Под громыхающий крик,
Плещут листами лежалыми
Тысячи книг..

Пепла остывшее месиво
Липнет к его сапогам.
Что через несколько месяцев
Станут сжигать?

Жгущие книги не жалуют
Тех, кто писать их горазд.
Всех обезвредят: пожары ли,
Эксперименты державные,
Пытки, расстрел или газ...

Шаг ускоряется. Россыпь -
Пепел, обрывки в золе.
Что станет будущей осенью?
Через шесть лет?

Мигом винтовки всполохнутся,
Выпустят первый заряд...
Ныне - всего-то: на площади
Книги горят.

Было так: солнце крыши касалось,
И стоял рядком тополя.
Под ногами земля раскисала,
Из-под ног уходила земля,

И собаки вдоль улиц брехали,
И усмешки людские цвели...
Шли их по дороге в Дахау,
А казалось - вдоль целой земли.

Долгой жизнью избит и изломан,
Безответен, как годы назад,
Шел старик в завершение колонны,
Прикрывая больные глаза.

Шел старик. На ресницах дрожала
Память лет, промелькнувших, как сон,
И вшивалась в предсердие жалом,
И крутилась шальным колесом.

Здесь - он просто ребенок, девятый.
Здесь - он учится обувью тачать.
Здесь - он видит: пожаром объята
Дом отца, дом раввина, врача...

Здесь - война, сапоги натирают,
Бродит смерть по осколкам стекла.
Здесь - домишко у самого края
Обращенного в угли села.

Поздний брак и любимые дети,
В городке магазин небольшой,
На немецкие ножки надеты
Чудо-туфельки - делаа с душой.

Здесь - тревога печатью незримой
Озаряет морщины на лбу.
Здесь - осколки разбитой витрины,
Паспорт - детям, а сам - как-нибудь...

Шел старик, и один из стоящих .
В той гоппе, что хохочет, как жизнь,
Сделаа шаг - и рукою дрожащей
Ломоть хлеба в ладонь положил.

Он застыл, точно видел впервые
Этот мир, этот день, этот хлеб,
Хоть собаки по-прежнему выли
И все так же тянуло к земле.

Хлеб ладонью ослабшей сжимая,
Он стоял, и смотрел, и стоял
До тех пор, пока, ребра домая,
Не свалили прикладом ружья...

Он поймет под одним из ударов,
Погружаясь в смертельный свой сон:
Все, что в жизни получено даром -
Этот самый последний кусок.

ДЛ

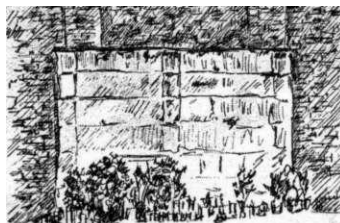
Накануне Христова крещения
Они были страшнее, чем Зверь, -
В нарукавниках с вышитым черепом
Поутру постучавшие в дверь.

На окне искра солнца заветного
След от измороси беретит.
Посмотрели глазами бесцветными
И сказали: сынка приведи.

В брюках, выгоревших под коленками,
В куртке, цвет потерявшей и вид,
Он - преступник (шестнадцати нет ему!)
Он виновен. Виновен в любви.

Вам такого сынок не рассказывал?
Из больницы за нашей рекой
Он лекарства в оранжевых капсулах
Втихаря проносил за щеккой.

За забором шурует бактерия,
Там жиды прямо пачками мрут.
У него головенка потеряна
По одной из них, именем Рут.

Он борцом подвизался с болезнями,
И додумалась же голова:
Сквозь решетку забора железного
Он большую ее целовал.

Средство лучшее врач прописал ему,
Думал, вылечит немца - а тот
Все таким же губешек касанием
Свои капсулы ей отдаст.

Вы, маман, на коленях не ползайте
И сейчас же уйдите с пути.
Нам и вас все до этой же площади
Ровно десять минут - отвести.

В брюках, выгоревших под коленками,
В куртке, цвет потерявшей и вид,
Он - преступник (шестнадцати
нет ему!)

Он виновен. Виновен в любви.

Мы не возьмиса со шпильками,
Страшный дар - военный дар:
Пепел в сердце Уленшпигеля,
Пламя в сердце Жанны д'Арк.

Не надейтесь, мы не станем ждать
Заповедного луча:
Болью острой? горько тянущей
Пепел в сердце постукал.

В полутьме, по гулкой насыпи -
Тень, за ней еще одна...
Мы сегодня бриты налысо.
Матерям нас не узнать.

Восемь неумелых девочек.
Тряпки, спички, керосин.
- Запааю - а дальше делать что?
- Запааи - потом спроси.

Вспыхнет пламя - ярко, радостно
Вдоль по бревнам заскользит...
Ночь сегодня с нами празднует,
Пусть любятоясь вблизи.

Пусть почуют, как сгорали мы
С каждым домом (долгий счет!),
Как морщинами и шрамами
Покрывалась влаость щек...

В память платьев неизношенных,
В память обреченных тел
Мы - как звери полуночные.
Ярче вспыхнет в темноте!

Ярче вспыхнет раньше выгорит -
Угли да золы гора.
Нам не оставаяля выбора,

Не учили выбирать.
Эта месть и ярость - только ли
Наше дело? Видит бог:
Нас сжигала блажь жестокая,
Их сжигает наша боль.

Тянет к пеплу, будто гириями,
Юных дочерей и жен.
Может, кто-нибудь и Гитлера
Этой ночью подожжет?

Может, кто-нибудь из пигалиц
Проживет еще три дня...
Пепел - в сердце Уленшпигеля,
Пламя - в сердце у меня.

Кукла по имени Грета.
И год производства -
Сорок четвертый. Не сразу понять,
кто и где
Создал ее и послаа. Белокожей красоте
Вовсе не место среди сумасшедших людей.

Кукла по имени Грета. Расшитое платье.
Рыжие волосы волнами льются до пят.
Прислана маленькой девочке.
Ей до проклятия
Не было дела. Но зубы, сжимаясь, скрипят.

Сорок четвертый. Прекрасная рыжая кукла.
Сорок четвертый. На запад уходят войска.
Но не потухли пожары, еще не потухли
Печи, и гнев, и бессильная эта тоска.

Смотришь на куклу, безудержным ужасом скован.
Выражена, как Наташа Ростова на бал.
Кукла по имени Грета...
Ну что тут такого?
Разве что рыжие волосы с женского лба.

Выживший

Он видел яму с известью и дым.
Остася в яме брат, и с дымом мать
Ушла седое облако беды
Незримыми руками обнимать.

Он видел рвы. Он рыл могилы. Он
Возненавидел ноты и слова,
Ведь брат читал стихотворенье о...
И пела мать о том, как... Голова

Кружилась от однообразья дел:
Копать, копать, копать, копать, копать.
Он видел черный пепел. Он глядеть
Учился в землю, слышать стук лопат -

И только лишь. И все, и все, и все.
И слух был глух, и взгляд его был пуст.
Чужие ноги пыль забытых сел
Несли с собой в последний этот путь.

Он выжила, и по выжженной земле
Он возвращался с пеплом на руках.
Он нес его сквозь шесть горящих лет,
Сквозь каждый затуманенный закат.

Он возвратился в опустевший дом -
В то, что осталось после марша войск.
Он написал об этом. А потом
Набрoсил петлю на последний гвоздь.